

Странный, отдающийся в голове звон не сразу разбудил Стиора, он еще довольно долго сидел на краю кровати и тряс головой, пытаясь прийти в себя и понять, что же случилось. Только вылив на голову с полкувшина холодной воды, старый маг осознал — звон доносится сверху, из Хранилища. И, похоже, этот звон издает именно то, хранителем чего он был уже седьмой десяток лет. Стиору стало дурно, перед глазами поплыли темные круги.

«Но ведь... — с трудом прошептал он пересохшими губами. — Но ведь... Ну, не может это случиться, так же не бывает, чтобы вот так-то... Почему не тогда, когда я мечтал об этом, ну почему?!»...

Даже не накинув халата, как был, в старых штопаных подштанниках, маг вылетел из спальни и понесся по лестнице наверх. Он никак не мог поверить, что это случилось при его жизни, давно подыскивал себе замену и надеялся спокойно дожить отпущенные провидением годы. Ведь не было никаких признаков, ничто не предвещало рождения Трои, да вот, родились, будь они неладны. Давным-давно учитель говорил тогда еще молодому и горящему жаждой деятельности магу, что сменится не одно поколение хранителей, прежде чем случится то, что должно произойти. И что никак не ему, Стиору арн Наду, быть ответственным за ве-

ликое Возрождение. И вот на тебе, сподобился... Да еще и в старости, когда сил уже нет совсем. Ему недавно стукнуло сто двенадцать лет, и маг, хотя выглядел лет на пятьдесят, искренне считал себя глубоким стариком. Самым страшным было то, что у него до сих пор нет ученика, некого отправить вместо себя на поиски родившегося, да просто довериться некому.

Старик вздохнул, остановившись у резной, черного дерева двери. Что ж, ему «повезло», и теперь придется расхлебывать заварившуюся кашу.

«Будь оно все проклято!» — выругался старый маг и в сердцах стукнул по стенке, ушибив руку.

Отведя таким образом душу, он отпер дверь и вошел, все еще искренне надеясь, что ошибся. Увы... Потерянный Жезл коротко вспыхивал синим светом и звенел. Проклятый звон! Маг стоял посреди комнаты и смотрел на то, что завершало его спокойную, тихую жизнь и обрекало на тяжкие испытания. Что ж, Стиор арн Над не остановится ни перед чем, чтобы произошло предначертанное.

Он молча пожевал губами и подошел к нише, где хранился все эти десятилетия Потерянный Жезл. Коротким заклинанием маг заставил проклятую штуковину замолчать — не хватало только, чтобы кто-нибудь услышал этот звон и заинтересовался: а что это происходит в башне старого отшельника? Особенно — кто-нибудь из других магов... Тогда за его старую шкуру нельзя будет дать и ломаного гроша, а преемника нет, не сумел, к сожалению, найти талантливый бунтаря. Достаточно смелого, чтобы прикоснуться к запретному. Да, буквально все, с кем сталкивался Стиор в последние несколько десятилетий, мыслили штампами, и

никто не желал ни над чем задумываться. Попадались, безусловно, и очень талантливые, умные люди, но и они не осмеливались переступить через возведенный в сознании барьер. Не пытались переосмыслить вбитые с детства догмы. Магия Тьмы испокон веков была вне закона, считалась страшным злом, против которого все средства хороши. Даже здесь, в империи, где привечали всех и каждого вне зависимости от их вида. Однако Тьму почему-то огульно объявили злом, даже не задумываясь, что это несправедливо. Никому не пришло в голову спросить: «Почему? За что?» Никому...

Тяжело вздохнув, Стиор приложил Потерянный Жезл ко лбу. Тот мягко зажужжал и начал погружаться в его череп. Это не было иллюзией, при Слиянии жезл действительно становился на некоторое время единым целым с мозгом мага. Через несколько мгновений его уже не было видно, только легкое свечение в глазах старика говорило, что что-то здесь не так. Стиор всегда ненавидел Слияние, ему дорого обходились полученные таким образом знания — несколько суток дикой миграции порой. Но иного выхода нет. Он не строил иллюзий и понимал, что вскоре по следу родившихся этой ночью пойдут лучшие ищейки Церкви и Конторы. При воспоминании о последней Стиор содрогнулся — казалось, люди проклятого Вихря вездесущи. Старик стоял, держась рукой за стену, пока информация с жезла усваивалась мозгом. Колени противно дрожали от слабости, все тело покрывал пот, он тяжело дышал. Но, в конце концов, попытка закончилась.

Маг присел на стоящий в другом углу табурет, слегка отдышался и прикрыл глаза, одновременно произнося слово активации. Перед глазами тут

же вспыхнула карта родного мира. Дзарн. Дзи-Ар. Лли-Эл. Тхорворд. Танр. Сам Стиор предпочитал последнее имя, так как был родом из Крон Арингара, необычной страны с двумя равноправными столицами, где жило больше гномов, чем людей. В свое время гномы из старого рода Ганказад поселились на освобожденных от эльфов землях и построили два города, Крон и Арингар. Много позже там появились люди и расселились рядом со своими низкорослыми соседями. Гномы поначалу не обращали на них внимания, но потом пришлось — человеческое честолюбие не знало пределов, и люди захватили Арингар. Однако через столетие, как это ни странно, бывшие враги объединились, и в Крон Арингаре стали править две династии — гномья и человеческая, причем вместе. Когда пришла Церковь, кронарингарцы вынужденно приняли веру в Спасителя, и их оставили в покое.

Стиор был сыном уличной шлюхи, умершей родами, и выжил буквально чудом, оказавшись на улицах Крона с раннего детства. Как-то так вышло, что малыша подобрал старик-гном, тоже нищий, без кола и двора. Поэтому будущий маг с детства куда лучше знал гномов, чем людей. Да о чем речь, его первой женщиной стала симпатичная гнома, неизвестно почему заинтересовавшаяся худым нескладным юнцом. При воспоминании об этом старик мимолетно улыбнулся — таких эпизодов у него в жизни было очень мало, и он берег память о каждом, как о чем-то драгоценном. В те времена он задумывался о чем угодно, но и представить себе не мог того, что вскоре случится. Стиору в голову не приходило, что он станет одной из «черных ворон», как, плюясь, называли магов в Крон Арингаре. Скажи ему кто об этом, он бы дол-

го смеялся. Только от судьбы не уйдешь. От многого старик хотел бы отказаться в своей нескладной жизни, но это было невозможно. Учитель приучил его смотреть в глаза реальности и не строить иллюзий. Никаких и никогда.

Маг встряхнулся, избавляясь от воспоминаний. Пора браться за дело, на грусть о прошлом времени нет. Он снова активировал внедрившийся в мозг жезл. Тут же на все еще висящей перед внутренним взором карте зажглась ярко-алая пульсирующая точка. Стиор всмотрелся и глухо выругался сквозь зубы. Родившийся изволил появиться на свет не где-нибудь, а на юго-западе Коствада, в самой что ни на есть дикой глуши. Да туда добираться, по меньшей мере, года три, если не четыре...

— Это что же? — едва слышно спросил сам себя он. — Это мне теперь туда свои старые кости через полмира тащить, что ли?

Похоже, именно так. Старик глухо застонал сквозь зубы и проклял все на свете, одновременно понимая, что утро застанет его уже в дороге. Иначе не мог — всю жизнь долг был для него превыше всего. Он сам, по собственному выбору возложил на себя после смерти учителя обязанности хранителя. А значит, теперь обязан исполнить их до конца, невзирая ни на какие препятствия. Даже умереть он теперь не имел права — никто, кроме него, не сделает должное. Нет у него ученика, так уж сложилось. Самому придется, и ничего с этим не поделаешь — кто-то должен помочь родившемуся стать тем, кем тот обязан стать. А люди?.. Да почти все люди и нелюди на Танре отдали бы что угодно, лишь бы он потерпел неудачу! Только бы не дать родившемуся стать одним из Троих. Слишком они боялись Ушедшего, слишком сильно им вбили в

головой, что Тьма может быть только злом. Маг давно уже не пытался ничего объяснять даже самым умным — бесполезно, в этом вопросе как будто кто-то навесил им шоры на глаза. Что ж, Стиор предпримет все усилия для того, чтобы родившийся исполнил предназначенное. Если удастся... Ведь тот вполне может и не стать одним из Троих, прожив бесполезную, никчемную жизнь обычного человека. Как ни горько это осознавать.

Старому магу очень не хотелось покидать насиженное место. Он уже больше пятидесяти лет жил в своей башне, доставшейся от учителя, и успел к ней привыкнуть, даже сродниться, что ли. Империя Над была единственной страной на Танре, где к магам относились вполне лояльно и даже уважительно. Их не травили, не жгли на кострах, как во всем остальном мире. Церковь, конечно, имела определенное влияние и здесь, но была отделена от государства и никак не влияла на политику, что безмерно раздражало святых отцов. Императоры династии арн Над цепко держали власть, и их подданным жилось неплохо — налоги были невысоки, как и цены, поэтому жили в империи куда богаче многих иных стран. И уж никогда не было здесь беспросветной нищеты и отчаяния, царящих в «святом» Фалноре, оплоте воинствующей Церкви Спасителя. Там за неосторожно сказанное слово человека объявляли еретиком и отправляли на костер. А уж о магии и не заикнись. Магов и всех людей, кроме гномов, эльфов и сатиров, объявили недостойными жизни, подлежащими искоренению во имя заветов Спасителя. Да еще грифонам позволяли жить. Но их не считали разумными — детей отбирали у родителей совсем маленькими и

выращивали полуживотными, предназначенными только для перевозки всадников.

Церковь пыталась насадить такие порядки во всем мире, но это не больно-то у святых отцов получалось — нелюди почему-то не хотели покорно умирать во славу Спасителя и упорно сопротивлялись. Да и империя принимала всех без разбору — драконов, dwarфов, сатиров, гномов, орков, людей, эльфов, грифонов — всех изгнанников и беглецов, давая им дом и работу по способностям. Живи еще в этом мире дзенны, и они нашли бы себе новый дом в Наде. Если бы, конечно, гордые до безумия древние согласились принять чужую помощь, что было весьма сомнительно — обычно дзенн предпочитали смерть. Церковь присутствовала и в империи, но вмешиваться во что-либо церковникам не давали. А за пропаганду нетерпимости в тот же день высылали из страны. Вот и приходилось святым отцам соблюдать величайшую осторожность в проповедях.

Фалнор часто воевал с империей Над, но все страны вокруг нее тут же сплывались, выступая против Церкви единым фронтом, и сообщая сокрушали армию паладинов — слишком боялись усиления позиций святых отцов. Но каждый раз такая война стоила большой крови. Больше всех обычно доставалось Ландзаду, граничащему с Фалнором на севере. Хотя империя Над всегда приходила на помощь, разрушения на территории Ландзада были огромны, паладины не щадили никого и никогда. Любой вставший на защиту семьи объявлялся слугой Зверя, еретиком и отступником. А потом безжалостно уничтожался вместе с этой самой семьей. Не щадили даже младенцев. Ни города, ни деревни не оставалось после прохода армии Свя-

той Матери-Церкви, только выжженная, мертвая пустыня. Миль двести пограничных территорий Ландзада стояли безжизненными — никто не рисковал селиться там. Лишь отдельные небольшие гарнизоны смертников находились у границы, чтобы успеть предупредить об очередном нашествии паладинов.

Маг недовольно поморщился и потер переносицу, вспоминая все это. Он принялся разрабатывать маршрут своего путешествия тщательно, как привык делать все. Так приучил его еще учитель, а позже он и сам убедился в преимуществе такого подхода.

Итак, Коствад находится в центре другого большого материка Танра — Арбадона, в Северном полушарии. Придется проделать долгий путь. Быстрее всего добираться туда сушей через Ландзад и Фалнор, а потом морем — до какого-нибудь из портовых городов Джоудана. Если бы у последнего еще существовали портовые города... От них, к сожалению, остались только развалины. Разве что уговорить моряков высадить его где-то на «проклятом» побережье. И опять сушей до Коствада. Так ведь не уговоришь, побоятся и приближаться, сколько кораблей, пытавшихся подойти к берегам некогда богатой и процветающей страны, бесследно исчезли.

Было у такого маршрута еще одно серьезное «но» — уже сотни лет ни один из магов без крайней необходимости не рисковал приезжать в Фалнор. В молодости Стиор побывал там под видом монаха и едва спасся — его вычислили уже через две недели, пришлось спешно бежать. С трудом ушел — фалнорские спецслужбы работали хорошо. Да и в других странах Церкви магу тоже нежелательно по-

являться. Ни в Анзамене, ни в Вораме, ни в Лодуне, ни в Туаге, ни в Кадаире. Ищущие Святой Инквизиции обладали какой-то странной силой и отыскивали прячущихся магов очень быстро. Судьба пойманных «врагов Спасителя» была одинаковой — несчастные умирали долго и страшно.

Несмотря на то что многие государства постоянно воевали с Фалнором, позиции Церкви Спасителя все время усиливались, только империя Над не давала святым отцам полностью воцариться на Танре. Ученых, магов, поэтов и искателей истины становилось с каждым годом все меньше, мир постепенно скатывался в невежество, наследие дзенн и иных древних, мудрых народов забывалось. Это было страшно, особенно для тех, кто понимал, что происходит. Маги, конечно, нашли убежище в империи, но даже они постепенно становились все более косными и малообразованными. Магия превращалась в балаганный розыгрыш, потеху толпы. Она была жестко ограничена сводом правил, разработанных, по мнению Стиора, своей недоумков. И никто среди магов империи, даже в разговорах между собой, не осмеливался и заикнуться о Тьме, а уж тем более — о пути Тьмы. Заходить за эту грань не позволялось никогда и никому. За смелые вопросы студента Ассамблеи могли исключить. Но все равно, изредка находились те, кто осмеливался пойти в неведомое. Правда, каждому такому смельчаку приходилось скрываться, таить свои стремления от окружающих, жить двойной, а то и тройной жизнью. Это было очень трудно, почти невозможно, и ищущих странного становилось все меньше и меньше. Вот и хранителю уже не удалось отыскать себе ученика.

Стиор не боялся смерти, но сейчас не мог по-

зволить себе рисковать: его задача — донести матрицу до родившегося. Донести и обучить всему необходимому. Хотя родился сегодня, конечно, не один, а все Трое. Вот только остальные двое его никак не касались, на то жили где-то на Танре еще два хранителя. А Стиор должен добраться до Коствада и выполнить свой долг. Да, на смерть он теперь права не имел.

Маг отчего-то снова задумался о Джоудане. Терра Инкогнита. Уже больше полутысячи лет никто не мог проникнуть за кольцо гор, окружающее внутренние области этой страны. А если это кому-то и удавалось, он не возвращался, чтобы рассказать об увиденном. К сожалению, придется искать другую дорогу.

Стиор сжал зубы. Может, оно и к лучшему, что тот, для кого он хранил реликвии, уже родился. Ведь после его смерти некому было бы занять место хранителя. По крайней мере, он обучит одного из Троих. Научит быть магом Тьмы. Трудно, конечно, покидать место, где прожил почти всю жизнь, и пускаться в неизвестность. Но выбора нет, как бы ни хотел иного Стиор — может, родившийся станет одним из тех, кто сумеет изменить этот проклятый мир, и вытащит его из дикости и невежества?

— Хватит ныть, старый осел! — приказал маг сам себе, и его голос прозвучал неожиданно гулко, в глазах впервые за многие годы горела решимость.

Путь через земли Церкви заказан, придется добираться морем. Стиор снова развернул перед внутренним взором карту. Да, пожалуй, так будет лучше всего. Значит, отсюда до острова Борн, из его столицы — сушей до Оорга, а там — через Срединный архипелаг на каботажниках до острова

Ларба. Оттуда — до острова Тсорм, а там — какой вариант первым подвернется, тот и сойдет. Хоть до Туага, а потом через Лодун и Чернолесье. Хоть до Ворама — это даже лучше, Чернолесье можно будет миновать, соваться туда магу не хотелось. Если совсем уж повезет, попадетсся судно до одного из портов Коствада. Но последнее почти невероятно — Коствад мало кого интересовал и мало что мог предложить купцам — нищая и малонаселенная страна. Да и один из Трoих родился в самой что ни на есть глуши, на юго-западе Коствада, где сплошные леса. Маг обдумал возможные маршруты и понял, что других вариантов нет. В Эльвадар тоже лучше не соваться — эльфы относятся к человеческим магам не лучше церковников, считая магию своей прерогативой.

Решив, что делать, Стиор мрачно усмехнулся и подошел к невысокому черному постаменту, скромно стоящему в углу. На нем лежало несколько растрепанных старых книг, и постамент вряд ли мог привлечь чужое внимание. Но он не был тем, чем казался. Именно там хранились медальоны, несущие матрицы Тьмы, но хранились таким образом, что открыться миру могли только, когда предназначенные им разумные уже жили. Никакое светлое или темное заклятие не могло вырвать их из спячки. Но время настало. И то, что матрицы готовы выйти из укрытия, где ждали тысячи лет, наполняло душу старого мага мрачной гордостью. Он приготовился к первому и единственному произнесению заклятия Открытия Врат. Впервые за свою жизнь Стиор открыл все доступные ему энергетические каналы, впервые за сотни лет в Инзиуре, оплоте магии Света, сплеталось черное заклятие такой мощи. Казалось, дрожали сами основы

мира, когда губы старика произносили страшные, нечеловеческие слова. Заклинания были в свое время разработаны последними выжившими дзенн, именно их маги сохранили наследие Ушедшего. Древний народ давно был уничтожен Церковью, только отдельные существа иных племен хранили жалкие остатки наследия великой цивилизации.

Тихо звучал напев дзеннской песни-заклятия. Потоки силы рвали на части тело мага, он едва удерживал их в узде. То, что заклятие работало, было еще одним признаком рождения Трех. Старик почти обессилел, когда все, наконец, завершилось. Казалось, весь мир тихонько вздохнул, и на освобожденном от книг постаменте начали медленно проявляться четыре медальона цвета самой темной из возможных ночи. Один, побольше — в центре, и три, поменьше — вокруг него. Если бы кто-нибудь внимательно взгляделся в них, ему показалось бы, что какие-то странные искорки проскальзывают в бездонной черноте, смотрящий не смог бы оторваться, ему бы слышался рев урагана и клекот штормовых волн.

Но Стиор не знал, что еще в двух тщательно скрытых от постороннего взора укрытиях в разных точках Танра на точно таких же постаментах появились такие же медальоны. Он не мог знать, что остался последним хранителем истинной Тьмы в мире. И остальные четверки матриц остались лежать, открытые взорам любого желающего, так как места их хранения тоже были открыты заклинанием Стиора. Правда, в руках того, кому не предназначены, они останутся всего лишь медальонами.

Старый маг сразу увидел суть медальонов, да и не были они медальонами, только выглядели ими. Глупец, возможно, и попытался бы взять силу мат-

риц себе, но Стиор глупцом, слава Создателю, не был — уж он-то прекрасно знал, чем чревата такая неосторожность. Если бы он решился рискнуть, то мгновенно лишился бы любой удачи. Доведя несчастного до отчаянного положения, матрица ушла бы сама, а он остался бы медленно и мучительно умирать. Каждая из них сама выбирала себе носителя, и никак иначе. Стиор провел над медальонами ладонью и удовлетворенно хмыкнул — средний ощутимо пульсировал, чувствуя рождение того, кому предназначен. А теперь — самое опасное. Маг начал чеканить слова заклинания переноса, четко понимая, что если сделает хоть одну ошибку, то умрет на месте. И смерть его легкой не будет. Однако он не ошибся — медальоны исчезли, а на его запястье появились четыре черные туманные полоски. Теперь он — всего лишь носитель матриц, обязанный передать силу тому, кто способен ее воспринять. Пора собираться в дорогу.

Утро застало Стиора уже в порту. Он почти ничего не взял с собой — много ли старику нужно? Пару смен одежды и деньги на ночлег и горячий ужин. Впрочем, о деньгах можно не беспокоиться — когда прирожденному магу требовались деньги, они приходили сами собой. Также он захватил посох мага, превращенный в обычную веревку, которой обвязался под одеждой. Стиору совсем не надо было сообщать всем вокруг — вот, мол, колдун идет. Из иной атрибутики своего ремесла старик не взял ничего. Это нынешние недоучки пользуются в основном рунной и предметной магией, высшая ее степень предполагает использование слова и прямого мыследействия. И эта высшая магия сейчас мало кому доступна, в Ассамблее студентов обучают тому, что она почти невозможна...

Что является уделом редких избранников Всевышнего.

Горько осознавать, что истинная магия уходит из мира — невежество все упорнее отвоевывает позиции у знания. Правда, в этом есть один плюс — никто в нынешней Ассамблее не знает о его истинных возможностях. Слишком много лет старый маг ни с кем не общался — только в Ассамблее бывал иногда, но и там давно не осталось никого из его поколения, кто мог бы помнить о способностях оскопленного во имя высших политических интересов принца-бастарда. Стиор оскалился при воспоминании о том, что с ним сделали в молодости. Больше восьмидесяти лет прошло, а рана в душе так и не зажила. Не простил. И не простит!

Старик надеялся, что его отсутствия в Инзиуре никто не заметит. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь начал задаваться вопросами: «А куда это вдруг подевался старый чудаковатый маг-отшельник? Что за срочные дела сорвали его с давно и прочно насиженного места?» Ведь когда трактирщик, поставляющий в его башню еду, сообщит, что Стиор арн Над исчез, этим обязательно заинтересуются. Будь проклята его принадлежность к императорской семье! Из-за нее эти вопросы обязательно кто-нибудь задаст. Задаст и начнет поиски ответов, что обязательно заинтересует Контору. А после нее — и Церковь. При мысли об Ищущих Святой Инквизиции мага передернуло. Не хватало только вывести их на родившегося... Он, конечно, уничтожит улики в своей башне, но ведь любому ясно, что маг или инквизитор выше третьего ранга без проблем обнаружат следы черных заклятий. А после этого охота за ним начнется всерьез. И Контора, и Инквизиция ни перед чем не остано-

вятся, только бы заполучить его старую шкуру в свои загребушие ручки. Допускать такого нельзя, и Стиор решил отвлечь возможных преследователей. Лучше всего, похоже, если его посчитают мертвым. Маг испытывал раздражение — ему не терпелось отправиться в путь, а приходится заниматься всякими глупостями.

Он окинул взглядом причал. Необходимо подсунуть Страже труп, который мог бы сойти за него, а значит, придется найти подходящего бродягу. Неподалеку сидело несколько оборванных портовых нищих, и маг кивнул своим мыслям. Вон тот покрытый коростой старик, сидящий в стороне от других, похож фигурой на него самого.

«Прости меня, человеке... — неслышно прошептал Стиор. — Мы оба отжили свой век, но у меня еще есть важное дело, а ты просто бессмысленно мучаешься. Прости. Ты умрешь без боли, обещаю...»

Прошло несколько часов, и случайные прохожие были привлечены огнем, внезапно вырвавшимся из окон угрюмой башни старого полубезумного мага-отшельника, которого и видеть-то почти никому не приходилось. Даже трактирщик, приносивший ему еду, просто оставлял ее на пороге, а придя домой, обнаруживал на кухонном столе золото. Так было уже много лет, и при упоминании об этом маге люди крутили пальцами у виска. Из запылавшей башни доносились страшные крики, наполненные болью. Тут же сбежалась толпа, кого-то послали за Стражей и в Ассамблею. Приехавшие очень быстро пожарные не смогли даже подступиться к башне, настолько сильным оказался жар — волосы вспыхивали при попытке прибли-

зиться, и людям осталось только бессильно стоять и смотреть в ожидании магов.

Вдруг в верхнем окне башни показалась пылающая фигура и бросилась вниз. Толпа изумленно выдохнула, когда тело несчастного рухнуло на камни мостовой. Его тут же залили водой, попытались как-то помочь, но поздно — человек был мертв, да к тому же обгорел до неузнаваемости. Подоспевшие вскоре маги и стражники потушили огонь, но башня успела выгореть полностью, даже перекрытий не осталось. Мертвеца опознали по медальону Ассамблеи на шее. Им оказался, как и ожидалось, хозяин башни, престарелый и давно сошедший с ума маг Стиор арн Над. Стражников несколько удивила императорская фамилия, но старший маг что-то прошептал на ухо лейтенанту, который изумленно посмотрел на мертвеца и увел своих людей, отдав магу составленный протокол. А тот, поставив в известность о случившемся Контору, как полагалось в случае смерти любого из членов императорской семьи, удалился восвояси. У него хватало своих дел. Зеваки тоже постепенно разошлись, полностью уверенные в том, что старый дурень что-то напутал в заклинании из-за склероза и сжег себя сам.

* * *

Его святейшество, первосвященник Церкви Второго Спасителя Светозар VI проснулся посреди ночи в холодном поту. Сердце колотилось как бешеное и, казалось, стремилось вырваться из груди. Перед глазами плавали черные круги, дыхание было хриплым. Таких пробуждений у него еще не случалось. Произошло что-то страшное, что-то уг-

рожающее не только ему, но и всему миру, переворачивающее все вокруг с ног на голову. В этом его святейшество был полностью уверен. Он всегда доверял своим предчувствиям, они никогда не подводили первосвященника и не раз спасали ему жизнь еще в бытность Ищущим Святой Инквизиции. Но никогда еще ощущение надвигающейся беды не достигало такой силы и четкости. Перед глазами стояли пылающие и рушащиеся города, гигантская черная тень медленно вздымалась из бездны. Первосвященника колотило, ужас темной волной поднимался со дна души.

«Что это? — растерянно спрашивал он себя. — Такого не может быть... Ничего же не случилось...»

Действительно, какая беда могла угрожать Матери-Церкви на Танре? Ее позиции становились все прочнее, несмотря на отчаянное сопротивление империи Над. Так чего же бояться? Что может угрожать не только Церкви, но и всему миру? Первосвященник задавал себе эти вопросы и не знал ответов, но был уверен, что беда уже идет, что она уже на пороге. Неужели это Спаситель предупредил его? Но думать так слишком самонадеянно, и Светозар поспешно оборвал крамольные мысли. С трудом встав с кровати, он проковылял к столу и жадно выпил бокал легкого эльфийского вина. Спать пресвятой отец больше не мог и рухнул в кресло, продолжая размышлять о кошмарном пробуждении. Его размышления прервал осторожный стук в дверь. Изумившись, что кто-то осмелился потревожить его покой ночью, первосвященник хрипло каркнул:

— Ну, кто там?!

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась лисья мордочка его секретаря, отца-приора Лександ-

ра Болдина, препротивнейшей, но крайне полезной личности.

— Ваше святейшество... — пролепетал он. — Вы приказывали обо всем странном докладывать лично вам в любое время дня и ночи...

— Ну? — настожился Светозар, этот визит после такого пробуждения наводил на нехорошие мысли.

— Тут прибежал брат-архивариус из главной библиотеки... И начал прорываться к вам, крича, что произошло что-то страшное, что весь мир может погибнуть. Мы хотели вытолкать его взащей, так стражу пришлось звать — дерется. Но тут мы вспомнили о вашем приказе, и я...

Что-то страшное, из-за чего может погибнуть весь мир? И как раз после его предчувствий. Совпадение? В такие совпадения пресвятой отец не верил с юности. Если уж забытый богом и людьми архивариус решается прорываться к первосвященнику, зная, что это чревато тюрьмой или ссылкой, то это неспроста. Что-то во всем этом есть, его святейшество ощущал это нутром, и ощущение было очень неприятным. Лучше выслушать архивариуса и посмотреть, не связано ли случившееся с ним с предчувствиями самого первосвященника. И если не связано, то пусть пеняет на себя.

— Зовите! — раздраженно бросил он секретарю. — И чаю нам принесите.

Отец Лександр поклонился и исчез. Короткое перешептывание за дверьми, и на пороге появился длинный, худой монах в ветхой рясе. Вслед за ним в покои скользнул еще кто-то, поставил на стол поднос с чашками, чайником и пирожными, затем быстро исчез.

«Брат-архивариус... — мелькнула в голове пер-

восвященника отстраненная мысль. — Да что в этих архивах случиться могло?» Ведь в архивах главной библиотеки скапливались самые бесполезные книги и документы. Церковь никогда не уничтожала никаких, даже самых запретных книг. Кроме, конечно, книг по черной магии — эти сжигались сразу и без разговоров. Остальное же... Скрыть от мира — да, но зачем уничтожать? Мало ли когда что-либо может пригодиться? Вот и сваливались столетиями ненужные манускрипты и документы в архив, где с ними возились бесполезные и ни на что больше не годные книжные черви. Стоявший перед первосвященником дрожащий монах относился, судя по всему, именно к этой породе.

— Ваше святейшество! — выдохнул он, изумленный, как видно, тем, что его все же допустили пред высокие очи. — Меня братом Матфеем зовут. Я из библиотеки, из архива. У нас такое случилось...

Монаха начала бить дрожь. Первосвященник несколько минут вглядывался в него, отслеживая реакции, и с неким удивлением понял, что тот боится не его, а того, что случилось. И толку с него, пока не успокоится, не будет никакого.

— Присаживайтесь, брат Матфей, присаживайтесь, — со всем возможным добродушием улыбнулся Светозар. — Выпейте вот чаю.

Он сам налил монаху из чайника. Тот даже не заметил, что его обслуживает сам первосвященник, просто взял чашку и отхлебнул, глядя в одну точку. Одно это говорило о степени его потрясения. «Что же так могло напугать этого книжного червя?» — задал себе риторический вопрос его святейшество, он был несколько растерян. Монах тем

временем допил чай и положил руки на древнюю, запыленную книгу, которую принес с собой.

— Рассказывайте! — начал терять терпение первосвященник.

— В-ваше с-святейшество... — заикаясь, выдал из себя брат Матфей. — Я привык работать ночью и сегодня тоже не спал, разбирая архивы времен вашего предшественника. Тут вдруг меня прошиб холодный пот, и показалось, что случилось что-то ужасное, что-то такое, что не поддается описанию. Так плохо я себя еще никогда не чувствовал. А потом...

Глаза монаха сделались безумными.

— Ну-ну, успокойтесь, — потрепал его по плечу вставший Светозар. — Все уже позади, все уже закончилось.

— Если бы... — с тоской отозвался монах. — Ах, если бы, ваше святейшество...

— Так что же случилось потом?

— А потом с полки сама собой взлетела в воздух Книга Листьев и запылала черным огнем. Черным, ваше святейшество!

— Черным огнем... — заинтересованно протянул тот. — Крайне интересно, если это правда.

— Я не лгу, ваше святейшество! — вскинулся монах.

Опытный инквизитор сразу понял — брат Матфей верит в то, что говорит. Он хмыкнул и приказал:

— Продолжайте!

— Я... Я был как в ступоре, я ничего не понимал. А потом книга вдруг распахнулась и рухнула на стол. Я прочел пророчество, которое там оказалось, понял, что происходит страшное, и ринулся к вам...

— Вы правильно поступили, брат Матфей, — поспешил успокоить его первосвященник, а затем сказал, сам дивясь своей откровенности: — Я вам верю, потому что сам проснулся в ужасе с осознанием, что миру, всему миру грозит опасность. Вы преданный слуга Матери нашей Церкви. А теперь дайте мне прочесть пророчество, которое так напугало вас.

Монах раскрыл принесенную книгу и протянул его святейшеству. Тот впился глазами в корявые рукописные строки:

Когда порвется связь времен
И покачнется древний трон,
То Трое снова в мир придут,
Чтобы вершить нелегкий суд.
За каждым трое встанут в ряд,
Те, кто судьбу благодарят,
Те, кто открыл дорогу Тьме,
Те, кто жесток в своей вине.
Тогда сольются три в одно,
Откроется во Тьму окно,
Тогда свершится адский труд,
И девять снова в мир придут.
И мир увидит вновь один
Ушедший в вечность Властелин.
Тогда придет в наш мир беда
И черная взойдет звезда.

— И что это может значить? — растерянно спросил первосвященник, дочитав пророчество.

Он действительно ничего не понимал. Конечно, как и каждый образованный человек, его святейшество слышал о Книге Листьев, книге пророчеств, написанной одним монахом еще в первом веке эпохи Спасителя. Но создателя этой книги считали безумным еще при жизни, и даже имени его не сохранилось для потомков. Только не боль-

ше десятка рукописных копий его ни на что не похожей книги хранилось в нескольких самых крупных библиотеках Танра. Существовало бесчисленное множество толкований пророчеств Книги Листьев, так как в иносказаниях безымянного провидца понять что-либо было попросту невозможно. Но если произошло то, о чем поведал брат Матфей, значит, пророчество истинно и начинает сбываться.

Первосвященник уже верил монаху, и ему стало страшно — даже иносказание было жутким до дрожи в коленках. Если действительно наступает время Тьмы, истинной Тьмы, а не обвиненных, порой огульно, в служении ей людей и иных существ, то... Как бороться с этим, первосвященник не имел понятия — не приходилось просто. Он давно отучил себя предаваться иллюзиям и прекрасно понимал, что Святая Инквизиция до сих пор нужна была только для устрашения врагов Церкви, что никаких служителей Тьмы нет. То есть почти нет, за редким исключением. А теперь выяснилось, что есть... И Инквизиция столетиями ходила вокруг, даже не подозревая об их существовании. Бороться с еретиками и простыми бесхитростными магами — не привыкать. Но вот могучие черные колдуны... Тут будет куда труднее. И неизвестно, как разыскивать служащих Ушедшему, с чего вообще начинать. Какие-то Трое, какие-то Девятеро... Что за чушь?!

— Есть одна очень старая легенда, ваше святейшество, — прервал его размышления брат Матфей, его вид был странно задумчивым. — Настолько старая, что никто не знает, откуда она пошла. Она, пожалуй, многое в этом пророчестве объясняет.

— Содержание, и покороче.

— Будто в мире существуют три матрицы истинной Тьмы, с каждой из которых связаны три меньших. Легенда говорит, что эти матрицы ожидают рождения предназначенных им в тайных храменищах. Каждую четверку охраняет великий черный маг, которого обычно именуют хранителем, и при рождении предназначенных он эти матрицы открывает миру. Они сами ищут тех, кто им нужен. Предназначенные матрицам должны еще до того, как получить их, стать магами не хуже хранителей. Черными магами. У каждого из них будет три помощника, получивших меньшие матрицы и обладающих нечеловеческой мощью. Если все трое носителей повстречаются, произойдет что-то страшное. К сожалению, наш экземпляр легенды неполон — не хватает окончания, книга побывала в пожаре.

— И никакая собака даже не подумала о том, чтобы этих хранителей сыскать? — мрачно спросил пресвятой отец, его глаза угрожающе сузились.

— Так ведь все это глупыми сказками считают, ваше святейшество, — мелькнула на губах монаха почти незаметная улыбка. — Эти легенды только такие, как я, книжные черви, и знают...

— Легенда слишком многое объясняет, в том числе и кое-что из моего собственного прошлого!

Это было то самое! Светозар всем нутром ощущал — вот она, истина. К тому же имелось косвенное подтверждение. Аналитический ум первосвященника быстро перебирал все, что знал, пытаясь найти что-нибудь связанное со случившимся этой ночью. Что-то такое вспоминается, что-то, когда он был еще просто Ищущим, братом Вячеславом. Однажды, когда экспедиция Святой Инквизиции работала в Анзамене, ему довелось поучаствовать в

допросе мага, притворявшегося отшельником. Обнаружили его чисто случайно, в совершенно безлюдной местности. Инквизиторы всегда с подозрением относились к скрывающимся от людей, а потому взялись за отшельника всерьез. И тот не выдержал — магия так и полилась из него. Но Инквизиция умела защищать своих служителей от такого, и колдуна пленили.

Память его святейшества походила на содержащийся в идеальном порядке амбар, в котором существует опись всего содержимого, в которой указано что, где и как лежит. Каждая вещь имела бирочку с описанием, что это такое и для чего предназначено. Поэтому ему не представило особого труда припомнить подробности того допроса. Маг долго молчал, но, в конце концов, не вынес нечеловеческой боли и заговорил. Он нес какую-то чушь о том, что недавно встречался с самим хранителем знаний Тьмы и что скоро грядет эта самая Тьма. У него попытались выяснить, что это за хранитель и что он хранит, но не успели. Палачи перестарались, и маг умер посреди допроса. Сочтя его показания бреднями спятившего от боли колдуна, хранителя не стали разыскивать и отправились по своим делам.

Сейчас его святейшество очень жалел об этом и проклинал себя за беспечность. Ведь вполне могли выйти на хранителя и многое узнать заранее. Но тут же с отчетливой ясностью понял, что ничего бы они тогда не поняли, даже если бы маг рассказал все. Просто не смогли бы поверить. Да, грустно...

Значит, уже сколько-то сотен или даже тысяч лет на Танре существует организация темных, жаждущих вернуть Зверя, которого они называют Ушедшим. Почти никаких достоверных сведений

об этом непонятном существе не сохранилось, а то, что сохранилось, было куда больше похоже на бредни. Многие, да почти все на его месте, предали бы случившееся забвению и посчитали теми же бреднями, но опытный Ищущий чуял вонючий след Зверя. След, который не мог забыть, по которому просто не мог не идти. А значит, нужно искать этих самых хранителей и все, что связано с Тремя и Девятью. Искать малейшие следы, несоответствия в событиях, любые странности и несообразности.

Если бы еще не это жуткое пророчество... Но его святейшество знал, что исполнение любого пророчества зависит от действий множества людей, от того, как поступит тот или иной человек в той или иной ситуации. А уж исполнение пророчества из Книги Листьев вообще зависело от слишком многих факторов. Двенадцать человек из разных концов мира должны еще вырасти и самостоятельно прийти во Тьму. Времени впереди достаточно, вполне можно предотвратить это. Светозар всей душой ощущал, что важнее дела у Церкви просто нет, а возможно, никогда и не было. Значит, его задача, как первосвященника, бросить на поиски лучших из лучших среди Ищущих. Он не был уверен в успехе этого дела, и впервые за многие годы ему было не по себе. Настолько не по себе, что руки дрожали.

Светозар внимательно посмотрел на брата Матфея, который о чем-то размышлял. Чем-то эта архивная крыса ему импонировала. Ведь посмел же он прорваться к самому первосвященнику со своим известием, когда подавляющее большинство постаралось бы забыть увиденное, боясь обвинения в колдовстве. Да и дополнительная информа-